

СПЕЦНАЗ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ

**ЧЕМПИОН
ТЮРЕМНОГО РИНГА**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Оформление серии *Д. Сазонова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Чемпион тюремного ринга / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Спецназ).

ISBN 978-5-699-98505-0

Разведгруппа ополчения под командованием старшего лейтенанта Ильи Ткача попала в засаду. Из троих разведчиков только одному удалось прорваться к своим и сообщить о готовящемся наступлении украинских силовиков. Сам Ткач захвачен в плен. В концлагере, куда его сажают, царят самые жестокие порядки: заключенных пытаются, морят голодом, унижают. Но на Илью у мучителей особые виды. Его заставляют биться на боксерском ринге. Разведчик и здесь держит марку, до тех пор пока его противником не становится сам начальник лагеря...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98505-0

© Тамоников А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Шестое августа, день атомной бомбардировки Хиросимы, украинские силовики отметили массированным обстрелом села Рудного, расположенного в самом сердце Краснодольского района. Что это было, никто не понял. Бойцы самопровозглашенной республики последний раз заходили в село пару месяцев назад. В нем не было ни складов, ни центров связи, ни элементов инфраструктуры, которую ополченцы могли бы использовать в своих целях.

Поселок городского типа Краснодол восточнее Рудного, забитый ополченцами, в эту ночь силовиков не интересовал. Поселок Мазино на севере, где дислоцировалась мотострелковая рота повстанцев, — тоже. Никогда до текущего дня село Рудное, состоящее из полутора сотен дворов, не подвергалось ударам.

Стреляли из окрестностей села Паленого, расположенного в восьми верстах на запад, за линией разграничения. Первый залп самоходных 152-мм гаубиц «Акация» прогремел ровно в одиннадцать

вечера. Снаряды поразили церковь, раскололи пополам купол и проделали в стене дыру размером с алтарь.

Еще один снаряд угодил в теремок администрации, расположенный неподалеку. В нем недавно сделали ремонт. Обрушились межкомнатные перегородки, вспыхнул пожар.

Второй залп разнес в щепки трансформаторный узел и поднял в воздух единственный магазин вместе с немногочисленными нереализованными товарами. От третьего залпа превратилась в руины, горящие голубым пламенем, местная газораспределительная станция.

За «Акациями» вступила в действие батарея 120-мм полковых минометов. Им точность уже не требовалась — дома в селе стояли кучно. Залпы следовали один за другим. Мины протяжно выли на подлете, с треском взрывались, валили деревья, разносили в клочки дворовые постройки и опрятные жилища сельчан.

После первых же залпов пространство над селом заполнилось криками ужаса. Люди в панике выбегали из домов. Местность была озарена как днем. Взрывы сопровождались яркими вспышками. Многие дома уже горели. Село заволокло дымом. Обстрел принимал хаотичный характер. Взрывы рвали дорогу, валили заборы. Группу бегущих сельчан накрыла мина, перемешала фрагменты тел с кусками дорожного покрытия.

Люди ныряли в подполы и погреба, вырытые в огородах. Мужчины хватали в охапки женщин, детей, стариков, стаскивали вниз. Но основную массу населения страх гнал прочь из села. Кто-то выводил из гаражей машины, кто-то бежал на восточную околицу.

Самое страшное началось, когда несколько снарядов кучно легли на дорогу за окраиной села и проделали в проезжей части глубокие воронки. Кюветы в этом месте отличались крутизной, и проехать на личном транспорте могли немногие. Лишь одному грузовичку с высокой колесной базой удалось одолеть канаву и вырваться в поле. Остальные машины доезжали до воронок и останавливались. Суетились отцы семейств, вытаскивали из салонов своих родных, чтобы дальше двигаться пешком.

Украинские артиллеристы находились в Паленом, но имели глаза и уши в Рудном! Они мгновенно, с какой-то патологической страстью перенесли огонь на восточную окраину села. Взрывы кромсали поле, засаженное картошкой, расшвыривали ботву, накрывали бегущих людей.

Старенькие «Жигули», «Таврии» и потрепанные иномарки спешно разворачивались, пытались пробиться обратно в село. Одна из машин съехала в кювет левыми колесами, водитель газовал, но без толку. В салоне плакал ребенок. Из машины выбрались две женщины, растрепанные, рыдающие,

стали ее выталкивать, но сил на это у них не хватало.

Неподалеку в поле прогремел взрыв. Застрявший автомобиль посекло осколками. Пожилую женщину отбросило от машины, она упала, разбросала руки. У той, что помоложе, видимо, ее дочери, осколком распоролось бедро, она сползла по капоту, надрывно кричала, обливалась кровью. Водитель из машины не вышел, ребенок перестал кричать. В живых осталась лишь молодая пышнотелая женщина. Она ползла по грязи с кровоточащей ногой.

Обстрел оборвался так же внезапно, как и начался. Замолчали минометы и САУ. Нависла напряженная тишина. Лишь клубы зловонного дыма расплзались над обстрелянным селом. Горели деревянные постройки, чадил старенький микроавтобус, сползший бампером в воронку.

Люди, залегшие в поле, поднимались, начинали неуверенно перекликаться. Выли и метались женщины, потерявшие в суматохе своих родных. Из погребов и подполов выбирались сельчане, бросались тушить огонь. Те, у кого дома уцелели, помогали соседям. Над истерзанным селом завис надрывный бабий вой.

Мужчина с обожженным лицом возился на дороге, помогал сесть в машину полной пожилой женщине с отказавшей ногой, видимо теще. Та лезла внутрь вместе с костылями, ругалась.

— Мама, как выскочить из машины, так вы сами, быстрее кролика, а как обратно, так вы инвалид, только и можете меня поносить. Радуйтесь, что целы остались! — бормотал сельчанин.

Вдруг он что-то заметил в поле, бросил женщину, пытавшуюся забраться в машину, кинулся к обочине и начал всматриваться в даль. Он кричал, тыкал пальцем в одинокую фигурку, какими-то зигзагами удаляющуюся по полю. Беглец нырнул в ложбину на краю картофельных деленок, но она оказалась неглубокой. Голова этого типа была хорошо освещена нереально яркой, какой-то раскаленной луной.

— Это корректировщик, люди! — заорал мужчина, наверняка знакомый с особенностями ведения артиллерийского огня. — Эта падла наводила пушки хохлов на наше село!

Эти слова получили горячий отклик. Люди негодующе взревели. Несколько человек, находившихся на поле, пустились в погоню. Кто-то подобрал жердину, размахивал ею. Двое бросились в обход. Они прекрасно знали, куда выходит ложбина. Беглец сообразил, что ему светит, выбрался из оврага, побежал напрямик через поле к лесу, сиңеющему за ним. Но тот был далеко, а сельчан подгоняла праведная ярость. С обочины дороги съехала «Нива», запрыгала по кочкам.

Селяне догнали беглеца метрах в пятистах от дороги. Этот субъект не был мастером по бегу с

препятствиями, запыхался, скулил от отчаяния. Ноги его заплелись в борозде, он упал, разбил нос, кряхтел, возясь в ботве, полз на коленях. «Нива» с ревом подлетела к нему и затормозила. Он вскочил, начал метаться, охваченный страхом.

Из машины выпрыгнул водитель с монтировкой, пожилой, обуянный бешенством. Сзади подбегали мужики и пара растрепанных женщин. Наводчик кинулся в узкий просвет между ними, используя последнюю надежду уйти от самосуда. Водитель «Нивы» швырнул монтировку. Она ударила беглеца по спине. Мужчина вскричал от боли, покатился, а когда поднялся, вокруг него уже сжималось кольцо из разъяренных сельчан. Он защищался руками, дрожал, глаза шныряли. Невысокий, сутулый, нескладный, с блестящими от пота залысынами.

— Хлопцы, вы чего, — блеял он, старательно заикаясь, — вы ж не так поняли...

— Гребни меня семеро! — изумленно воскликнул мужик с жердиной. — Да это же Леська Свилярь! Что, падла, вот и посетил родное село? Давненько тебя тут не видели! Мужики, узнаете Леську? А мы уже забыли про этого кренделя!

— Хлопцы, вы неправильно поняли, — бубнил наводчик, отчаянно моргая.

Он втягивал голову в плечи, руки тряслись.

— Я ничего не делал, просто мимо проходил.

— Мимо, говоришь, проходил? — процедил му-

жик. — А это что у тебя? — Он схватил Свиная за шиворот, выудил из внутреннего кармана задрюпанной курточки портативную рацию, которую тот забыл выбросить. — В радионяню играешь, сука? — Дядька с размаха ударил рацией по зубам наводчика.

Тот заскулил, выплевывая кровь, начал что-то бормотать в свое оправдание. Его узнали, и это не прибавило людям добрых чувств по отношению к нему.

Алексей Свиная, скользкая и неприятная персона, несколько лет заведовал в Рудном продуктовым магазином. Он проворовался, отсидел не много, всего полтора года, воспользовался связями, вернулся, с подачи вышестоящего начальства заделался старшим рыбинспектором, но и на этом поприще долго не продержался. Глава местной администрации пинком спровадил Лешку с крыльца, когда тот пытался его подкупить.

В один прекрасный день обозленный Свиная пропал, съехал из дома. Семьи у него не было. Кто-то сказывал, что он вроде записался в украинскую армию, чтобы мстить своим бывшим землякам.

— Ты мужа моего убил, сволочь! — запричитала женщина средних лет с вытянутым рыбьим лицом.

Ее волосы обгорели, в глазах металось безумие. Она прыгнула дикой кошкой, отвесила предателю затрещину. Свиная от страха перестал соображать, оттолкнул женщину, попятился. Та упала,

подвернула ногу, закричала от боли. Возможно, его и пощадили бы, но этот инцидент стал последней каплей.

На наводчика в ярости набросилась толпа. Мужчины, женщины, подростки повалили его на землю и стали бить ногами. Мелькала монтировка, поднималась и опускалась жердина. Свиляр извивался, умолял о пощаде. Но люди уже входили в раж, мстили за разрушенное жилище, за погибших и пострадавших! Ярость туманила рассудок. Трещали и ломались кости. Движения наводчика замедлялись, глаза подергивались туманом. Кровавая пена пошла изо рта.

— Эй, не убивайте его! — спохватился кто-то. — Это же наводчик, он знает, кто стрелял и откуда! Убьете — хрен что расскажет! А завтра укропы опять растреляют по всей Европе, что пьяные ополченцы снова обстреляли мирное село на своей территории!

Народ опомнился, стал оттаскивать разгулявшегося мужика с жердиной. А тот старательно трудился в полном исступлении, колотил неподвижное туловище так, словно выбивал из него пыль. Его насилу оттащили, швырнули в траву.

Свиляр уже отмучился. Он несколько раз вздрогнул, поскреб ногтями землю и затих.

— Да ладно, черт с ним, собаке — собачья смерть. — Шофер с монтировкой плюнул на мертвеца и отвернулся.

Потрясенные, еще не пришедшие в себя люди неприкаянно блуждали по полю. Над селом разгоралось зарево. Попытки людей самостоятельно тушить огонь большей частью не удавались.

С востока уже приближалась колонна машин с горящими проблесковыми маячками. Ехали спасатели, пожарные, медики. С севера тоже шла подмога. Из Мазино спешила техника ополченцев, крайне озабоченных взрывами, грохотавшими в соседнем селе.

Этот внезапный ночной удар по мирному населенному пункту не мог не навести на размышления командиров ополчения. Не зреет ли очередная медийная провокация со стороны киевской хунты?

А в двадцати верстах севернее Рудного у людей в эту ночь были другие проблемы. Машина сломалась на самом интересном месте, когда до своих позиций оставалось лишь поле перейти, вернее переехать. А вот теперь ополченцам предстояло переползти его, учитывая тот факт, что на западе за их спинами разразилась стрельба. Выехать к своим можно было только по этой дороге. И вдруг такой конфуз!

Сергея Якушенко, молодой светловолосый спецназовец, лихорадочно работал ключом зажигания, выдавая фразеологические обороты, вполне уместные в таком случае. Но «УАЗ», заляпанный